

Проза

І 2008

620к

РОЛЛАН СЕЙСЕНБАЕВ

ТРОН САТАНЫ

XXI ВЕК

СТАФА

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ АБАЙ КЛУБЫ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КЛУБ АБАЯ
ABAQ INTERNATIONAL CLUB

ПРОЗА

XXI ВЕК

Роллан
СЕЙСЕНБАЕВ

ШАЙТАННЫҢ
ТАҒЫ
РОМАНДАР

TAFA

•Халықаралық Абай клубы•
Семей • 2007

Роллан
СЕЙСЕНБАЕВ

ТРОН
САТАНЫ
РОМАНЫ

ТАФА

•Международный клуб Абая•

Семей •2007

Редакционный Совет Библиотеки журнала «АМАНАТ»

**Роллан Сейсенбаев
(Казахстан) –
Главный редактор –
Председатель Совета**

**Абиш Кекильбаев
(Казахстан)
Анатолий Ким
(Россия)
Аятолла Хьюбш
(Германия)
Валентин Распутин
(Россия)
Владимир Берязев
(Россия)
Имангали Тасмагамбетов
(Казахстан)
Клара Серикбаева
(Казахстан)
Кэндзабуро Оэ
(Япония)
Леон Робель
(Франция)
Мырзатай Жолдасбеков
(Казахстан)
Мухтар Кул-Мухаммет
(Казахстан)
Олжас Сулейменов
(Казахстан)
Пентти Холоппа
(Финляндия)
Ричард Макейн
(Великобритания)
Синтара Исихара
(Япония)
Тимур Зульфикаров
(Таджикистан)
Чингиз Айтматов
(Киргизия)**

Л 2008/626к

**10-летию Республики
Казахстан посвящается**

ББК 84 КАЗ 7-44

E:\12.13\Tron+.tif_page 8
С18

СЕРИЯ ХХI ВЕК

Проза

Литература, искусство, история, философия,
образование и религия народов мира

Роман

Выпускается по программе Министерства культуры
и информации Республики Казахстан

Рекомендовано Министерством образования
и науки Республики Казахстан в качестве
учебного пособия для дополнительного образования

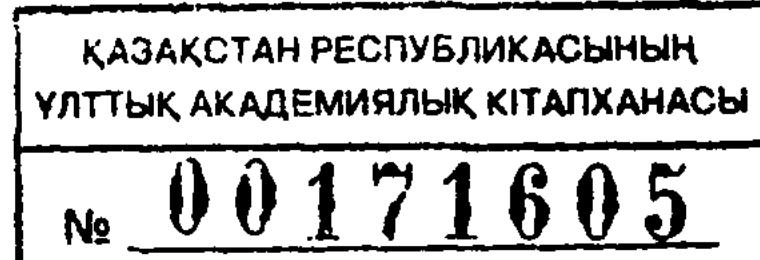
Идея проекта, подборка произведений,
общий дизайн Роллана Сейсенбаева

Текст печатается по изданию:
Роллан Сейсенбаев. Трон сатаны.
Москва: Советский писатель, 1991

ББК 84 КАЗ 7-44

© Роллан Сейсенбаев. Трон сатаны, 2007
© Международный клуб Абая, 2007

ISBN 9965-611-64-5

С 4702250201
00(05)-06

ISBN 9965-611-25-4

КНИГА – САМЫЙ ТЕРПЕЛИВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Перед человечеством сегодня стоят три глобальные задачи: это защита мира, защита духовности и защита природы. Все они — главные условия нашего дальнейшего существования. Каждая из них неполна без другой. От этих трех начал зависит грядущее не только Казахстана, но и всего мира.

Гамлетовский вопрос «быть или не быть» относительно завтрашнего человечества будет стоять перед нами вечно, если мы не прислушаемся к голосу благоразумия.

Техническое развитие в мире шагнуло далеко вперед, благодаря чему человек стал расточителен в использовании природных ресурсов, созидающая энергия человека растратывается попусту, и он утрачивает способность содержать богатейший океан культуры и мысли, накопленный предыдущими поколениями.

К сожалению, мы далеко не в полной мере осознаем это. Интеллектуальный и идеологический вакuum уводит людей в сторону от восприятия реальности, низвергает его в пучину разложения морального, нравственного, духовного.

Третье тысячелетие требует от нас утверждения гармонии в нашем общем доме ЗЕМЛЯ.

Книга в своем первозданном, высоком и единственном священном и одухотворенном значении является всесильным оружием человека в защите культуры и духовности.

Книга несет человечеству знания и просвещенность.

Книга хранит в себе тайны бытия рода человеческого.

Книга — плод человеческой мысли, наделенный дыханием времени и пространства.

Книге человечество доверило свои священные прозрения, откровения души. Только книга может научить, как двигаться вперед, как избежать катаклизмов и как взбираться на вершины человечности.

Книга — самый терпеливый учитель.

И только книга может научить нас безошибочно распознавать добро и зло, истину и ложь.

Для человека мыслящего нет ничего дороже книги!

200-томная Библиотека журнала «АМАНАТ» Международного клуба Абая посвящена 10-летию независимого Казахстана.

Мы оставляем будущему своей страны — молодежи — единственное и наиболее полное завещание — Книгу.

Поддерживаю благородный поступок Клуба Абая.

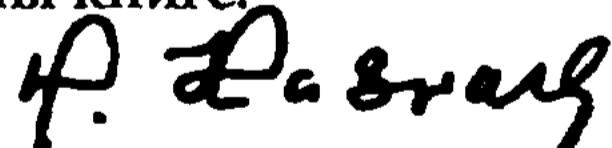
Я искренне рад начинанию видного писателя Роллана Сейсенбаева в создании журнала «АМАНАТ» и 200-томной Библиотеки журнала.

Уверен, что истинные патриоты страны поддержат и помогут его стремлениям служить культуре и духовности Отчизны.

Желаю новому изданию внимательного и благодарного читателя.

Поздравляю казахстанцев с выходом первых томов Библиотеки журнала «АМАНАТ» — литература, искусство, история, философия, образование и религии народов мира.

Любите, берегите и будьте преданы книге.

Нурсултан Назарбаев

Президент Республики Казахстан

14 марта 2001 г.

Астана

ДЖИГИТ И ГРАЖДАНИН

О координатах нравственных исканий молодых героев Роллана Сейсенбаева

рода Роллана Сейсенбаева — явление в многонациональной нашей литературе. Он автор романов «Лестница в никуда», «Если хочешь жить», «Ночные голоса», «Бегство», «Трон сатаны», нескольких повестей, цикла рассказов, а также десятков пьес и киносценариев.

В казахской литературе последних десятилетий набирает силу стремление воссоздать живую, полнокровную картину исторического бытия народа. В этот контекст национальной прозы органично входят и остросовременные произведения Роллана Сейсенбаева, исповедующие правду. Его критики отмечали, что в этих произведениях идея целостной судьбы казахов прослеживается и утверждается на материале сегод-

няшней жизни, что историческое здесь ни в коем случае не отрицается современным, присутствует в нем естественно. Из этой почвы-синтеза прорастает и чувство исторического оптимизма, свойственного мироощущению героев писателя. Они не оторваны от жизни, они — в ее эпицентре, и все, что происходит в ней, кровно касается и их, зависит от их прямого участия.

Настоящему таланту есть что сказать, а нам, читателям, есть чему, с интересом и пользой, внимать в его повествованиях.

Пытаясь понять космос казахского народа, я приник с увлечением к роману «Трон сатаны», потому что тут — про современный Казахстан: что же стало? Как устроились жить некогдашие кочевники в городской цивилизации?

Следует сказать, что Р. Сейсенбаев писал роман, как бы применяя кочевую тактику: он заманивает читателя как противника на свое «угощение», за свой «дастархан»: вот ввел двух персонажей, срастил их с сюжетом, заинтересовал — и оставил на время; и тут же налетает другой сюжет-вихрь, с другой парой действующих лиц (но один из них уже знаком — он как связной в нитях плетения); и так — волна за волной — на протяжении всего повествования. В итоге выстраивается юрта-космос романа, вмещающая в себя объемное целое бытия.

Но эти круги и волны — не только горизонтальны как барханы, но и вертикальны во Времени и Пространстве. Во-первых, в пласти прошлого уходит взгляд писателя: послевоенная разруха и бедность, война; глуша — о предыдущих событиях: у бабушки из восемнадцати детей за драматическую историю нашу остался жив лишь один сын Ескендер; наконец, в толщу преданий: как бы доисторическое время черпается в песне акына-жырау о батыре Кушикбае, о Чести и Мужестве прощения.

А во-вторых, в Пространстве выстраивается пирамида существования, или здание общества с его «подвалом», дном, исправительно-трудовым лагерем, куда после рыцарской драки за честь возлюбленной попадает главный герой. И если в двух первых частях романа — среда литературно-художественной богемы, студенчества, где все так легковесно и люди чуть ли не «с жиру бесятся» в перекрестных адюльтерах, то в третьей, завершающей — «дно», что аналог ада, — «не до жиру — быть бы живу»: там мир блатной (недаром и с «Калиной красной» Шукшина тут идет некий диалог) и закон жесткий: пахан и

поножовщина — там «трон сатаны», как у Данте в десятом круге «Ада». Так что в эмоциональной гамме романа сначала весело, а потом грустно и даже жутковато...

Окончив чтение, я задумался: а ведь нет в романе описания помещений, домов, обстановки, все нейтрально: безликие квартиры современного дома, номер гостиницы, даже в лагере барак и нары не выписаны... Внешняя деталь? Не совсем: она говорит об отсутствии БЫТА, устроенности, а значит, и основательной устойчивости — оседлой или кочевой (и у кочевья есть своя стабильность — неизменность эллипса годовых передвижений, стойкость быта и обычаев). Тут же многие герои — как стронутые, ни на чем не держащиеся души, как пылинки, чуть что — сдуваются. Даже в своем теле еле держатся (недаром нет и портретов, что степень прилепления души к телу знаменуют) — не в том смысле, что нездоровы-хилы, а с легкостью отдаются страшным вихрям души: то любовно-чувственной страсти, то ошеломлению гнева и императиву чести, что неудержимо влечет на схватку звериную, на нож и смерть.

А ведь почти все герои романа такие милые молодые люди, но какие-то непутевые и бесполковые: не имеют и не умеют, чем и за что держаться в жизни. Старые устои рода и традиции, что предопределяли поведение и ритм жизни каждого индивида, размыты, унеслись в невозвратимое прошлое, в сказку уже и легенду... Последняя из них Макпал — бабушка Абылай. Но хорошо потрудилась история в XX веке над усечением родо-жизненных корней: много было оснований, по каким восемнадцать ее детей были на разных перегонах убиты. Поколение отцов — самумом Войны изувеченено, отзвалось время и на женщинах: Айша, мать Абылай, стала пить, потеряла волю... А уж следующее поколение — основной костяк действующих лиц — совсем безгнездые существа; если и свивается случайно все же семья с дитятей, то она — уже изначально подпорчена на лжи. Сауле, обесчещенная неким подонком в джинсах, не находит в себе силы признаться в этом Абылаю. Хотя и любит его, но выходит замуж за комсомольско-аспирантского карьера Салима (вот уж человек «положительный», усвоил, в чем стабильность новая: в иерархию государства врастать), и вот она уже катает коляску, но ей стыдно перед сестрой Абылай, который, вступясь именно за честь Сауле, пырнул негодяя ножом и попал в лагерь... Распалась и семья художника Кайрата:бросил

он свою Катиру с дочерью Айгуль, не прожив и года, а ведь ожидал-хотел любви единственной. И вот она пришла — любовь на всю жизнь к Баян-журналистке. Они встречаются урывками в течение нескольких лет и прочней друг к другу привязаны — и почему бы не пожениться?.. Но Баян мешает неотступное видение разбившегося летчика — ее первого мужа, Омара, романтического, хотя ею и не любимого...

Что за напасть такая? Почему все позитивности так зыбки, неустойчивы?

Молодые герои словно держатся за свое переходное состояние: быть свободными душами, тонко и остро чувствующими голоса и зовы внутреннего мира души и жизненной воли своего природного существа, — но не дать себя встроить в тяжкие формы быта, и вообще во все структуры гражданско-циивильного существования...

В воспоминаниях Абылай проходит диалог родителей, услышанный им в детстве: отец хочет, чтобы он стал юристом, мать — человеком искусства. Но итоговый вывод: «Если Абылай вырастет настоящим джигитом, кем бы он ни был, мы не зря проживем свою жизнь».

«Настоящим джигитом»... Осторожно с этим идеалом. Давайте-ка вдумаемся.

Значит, наши казахи «третьего поколения» — раскованные хотел сказать «индивидуальности»... Но осекся. Они как раз малохарактерны; все на одно лицо: девушки — милы, тонки и отзывчивы; молодые люди — хорошие друзья, понимают искусство и поэзию, все талантливы и что-то обещают в будущем. Но ведь индивидуальность — это уникальная особенность ума и характера. Так, неповторимы кузнец Бекболат, певец-жырау Сабыр, что лейтмотивную сквозь роман легенду о чести батыра Күшикбая сказывает. Даже в тех, кто принадлежит поколению отцов и матерей, больше характерности — от судеб разных, от перипетий, в какие их ставит жизнь. Но у наших новых — очень уж однообразны ситуации, в которых они оказываются: учеба, стройотряд, дружба, девушки, искусство-газета... Бедновато, невариантно. И, как это ни парадоксально, скорее на «дне», в колонии характеры: пусть изувеченные шрамами необычной жизни, но в них есть судьбы, черты натуры и особенности языка. Тут оплачены муками тела резкие реакции души в свободном мире, на «гражданке». Но все эти Кобыланды, Юрченки и

Пантеры — так ли уж виноваты? Изувечены войною, изменой матерей отцам — и затаили злость на прочее...

Итак, наши милые молодые пока лишь потенциально герои. Им дана Свобода, они в ее пространстве. Но... не знают, на что ее употребить. Какие ценности ими руководят? Шампанское, любовь, талант и ожидание творчества, милая богема, что на себе печать меланхолии уж носит: ведь не век же ей (богеме) быть, и хорошо, кто молод из нее уйдет (да и из жизни), как поэт Мукагали или художник Даулет...

Значит — свободны. Куда ж врастать? В какой идеал?

Есть высший идеал — Личность. Ею стать — свободной и самообуздывающейся. На пути к ней гражданин Ескендири, отец Абылай, честный и неподкупный судья, что не поддается на родово-патриархальное кумовство и не покрывает взяточника; но и самому ему за это врезали, наказав жестоко его сына. Однако он терпит стоически — страж порядка и в державе, и в самом себе: не дает разнуздаться стихии — гнева ли, страсти ли...

Но что-то скучноват для молодых этот идеал — Гражданина, жителя цивилизованного общества и города. Душу манит иной идеал — из золотых преданий: «Джигит» во казахстве — как «Джентльмен» во английстве: всенепременное и всеприсущее свойство... А что такое —джигит? Это удалой человек и, прежде всего, человек Чести. Но и Мести (недаром они в рифму), значит не прощает обид, удар за удар, око за око... Как батыр Кушикбай в боях с джунгарами и в поединке с Анархоем. Ветхозаветная стадия сознания, этики.

Абсурдность действия прежних идеалов в новой ситуации и является роман Сейсенбаева. И это просто жизненно-самоохранительно для народа и духа становится. Закон воздержания от насилия (хоть бы и геройского) переводит шкалу ценностей в душе казаха на иной диапазон, на иные волны, на иные понятия.

И тут впереди как идеал — образ Личности: той, что не кипящей силою и волею возвышается, но пониманием ближнего, жалением. То есть идеал не силы, а как бы слабости, но которая есть как раз выражение силы духа и его власть над собой, над своими инстинктами.

Уважать закон и отказаться от самосуда — к этому приходит наш Абылай в исправительно-трудовом лагере. И все же рок идеала джигита подстерег, удариł его: вступил за друга в драке с паханом — получил ножом в бок...

Также и авторитетом предания примирение и прощение проповедуются: когда молодой батыр Кушикбай, победитель старого и подловатого Тобета, по просьбе мудрецов-аксакалов не убивает противника. Также завещается и мир с другими народами: во любви взаимной Кушикбая и джунгарской пленицы.

Никто в романе не может быть свободной личностью, не может самодержаться в этом состоянии, но сдувается ветрами степными (ветры кочевья еще в душах, по Психее казахства прокатываются)... Что значит — извечная привычка быть всем вместе, друг с другом, а не САМОдержаться! Но в мире цивилизации надо вырабатывать в себе иной устой — уважение закона и порядка, поступаясь джигитством.

Дивно, как бывшие номады, попав в свободу, в город из природы, блуждают, как сомнамбулы, не усматривая предметов положительной привязанности! Вспомним, какие миры открыла европейская гражданская жизнь — просто в ухаживании за женщиной, в культуре «страстей нежной»! «Новая Элоиза», «Вертер», тургеневские сюжеты, да и любовь Абая и Тогжан в романе Мухтара Ауэзова... Какие устремления- страсти в душе возгораются, когда случаются переходы с одного уровня-круга сословия на другой (Арган из «Мещанина во дворянстве» или Растиньяк из «Отца Горио» и т. д.). А тут мир наружный упрощен, примитивен, мало интересен... И, судя по некоторым деталям (звонкам начальников-заступничков за родственников судье Ескендиру, и образу комсомольчика Салима), совершенно неэстетичен и непривлекателен.

Но тогда возлюби свое дело, свое творчество — пуще джигитства! Да, этот путь-выход намечен поэтом Мукагалием, художником Даулетом, юристом Ескендиrom. Путь труда-творчества и любви как семьи — вот тот положительный вектор-направление, в каком возможен побег из лагеря своей собственной Психеи, где свил трон сатана, присосавшись к идеалу «джигитства». Вот в чем человеку спасение от свободы, не наполненной смыслом.

А смыслы надо сотворить, выткать их из себя, никто их не преподнесет. Свобода есть творчество, а не потребление: свободу не получают, ее создают через созидание Личности в себе.

И первый тут начаток — воздержание от насилия, от кипящести джигитства. Да, сумей осилить накат нетерпения,

тот моментальный позыв, каким тебя «бес» подмывает-хватает (он именно на скоростях работает — потому мы все и крепки «задним умом»). Так вот: осади себя, как коня горячего, и направь эту энергию, что в джигитстве выплескивается в степь, в смерть, на восхождение души своей в высоком самовоспитании, где тонкость и понимание ближнего, любовь и милосердие.

На то есть и мудрая старая казахская пословица, что лейтмотивом в романе проходит: «Если не спешить, то и на арбе можно зайца догнать».

И вместо идеала Чести да заработает Совесть.

В чем тут разница? В идеале Чести я вижу грех-вину-ошибку другого, сам же себя — правым и судящим. В чести и мести за нее — я сужу другого. В Совести же я гляжу внутрь себя и обнаруживаю, что сам-то я не сильно хорош, чтобы браться судить другого... И на основе этого чувства — воздержание от действия злого возможно.

В романе изображены души ярко эмоциональные, даже экстатические, чего-то благого взыскивающие. Но не справляются с нагрянувшим при переходе от простоты кочевья к сложности гражданского общества с множеством ценностей, противоречивостью понятий. И выход — в поступательном развитии гражданской и духовной культуры и личности, и общества.

А мир этот становится все более сложен. Движимый добрым намерением поступок может оказаться глуп и вреден и даже безнравствен, если не сопряжен с глубоким раздумьем, рефлексией. Гамлетова пора размышлений наступает для некогдашнего бурно реактивного джигита. Но она — тоже ценность, ибо развивает в нас внутренний мир, личность. А личность — уже опора и устой нового общества, основанного не на бездумном покорстве традиционному обычаю или предписанному единомыслию, по принципу: «как все — так и я», «не высовывайся!» и «не возникай!», — но на том, что каждый человек — это Гражданин и смеет «свое суждение иметь». Творчество выдающегося художника слова Роллана Сейсенбаева содействует пробуждению самосознания, что так взыскимо ныне нашими душами!

Григорий ГАЧЕВ
Москва

Маме

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

У сердца есть свой разум,
которого разум не знает.

Блез Паскаль

1

разные обитатели городского пляжа стали к вечеру торопливо расходиться, и голоса мальчишек, гонявших на поляне футбольный мячик, слышались теперь отчетливо.

Но что было до детей им, укрывшимся от чужих глаз в тихой бухточке, обросшей плотным кустарником? Это было их место, место ими открытое, облюбованное, полюбившееся, ибо только случайный прохожий мог обнаружить их здесь, на чистой песчаной отмели, омываемой прохладными водами древнего Иртыша.

Сауле протянула руку, и нежная ладонь коснулась Абылая. Он пожал в ответ влажные пальцы девушки. Разомлевшие под лучами солнца, клонившегося к горизонту,

влюбленные блаженствовали, наслаждались одиночеством, свободой, покоем.

Она открыла глаза — ясное небо уходило в бесконечность, и девушка, как бы испугавшись этой бездонной синевы, повернулась к Абылаю, прижалась теснее...

— Я соскучилась по тебе, Абылай. Очень соскучилась.

Абылай провел ладонью по ее упругим бедрам, искоса глянул на Сауле — она поспешила, но мягко отстранила руку парня.

«Бесконечно могла бы так лежать, — подумала она. — Но Абылай... Абылай не вытерпит... А я бы так лежала, просто лежала... Лежала... Лежала... Прижаввшись... Так просто... Видела бы сейчас меня мама... О, боже!..»

Она усмехнулась и снова закрыла глаза.

— Ты чего? — спросил Абылай. — Чего смеешься?

— Так... Просто... — ответила Сауле.

— Скажи...

— Не все можно говорить...

— А ведь обещала, что никогда, ничего не станешь от меня скрывать...

Сауле дернулась, привстала, но Абылай спокойно лежал с закрытыми глазами, и она вновь опустилась на песок, досадуя, что чуть было не выдала себя.

— Так, просто, — повторила она. — Представляю, что бы сделала мама, если б увидела, как мы тут... с тобой...

— Ничего бы не сделала. Думаю, обрадовалась бы...

— Боюсь, как бы у нее сердце от такой радости не лопнуло, — горько усмехнулась Сауле.

«Обещала... Никогда... Ничего...» — звучал в ее ушах голос Абылая. — Но как сказать это? Какими словами? Оправдываться? Нет, нет... Лучше уйти... умереть...»

Ей хотелось заплакать, но она усилием воли подавила свою слабость.

«Не сегодня... потом... Не сегодня... Скажу... Потом...»

С ужасом думала она, что теперь ей ни за что не сохранить своей тайны. Не сегодня, так завтра, послезавтра, через неделю, месяц, год — все равно когда-нибудь это откроется...

«После... потом...» — утешала она себя, твердо решив, что завтра же во всем сознается Абылаю. И одновременно тоскливо понимала, что первый ее враг — она сама, что она сама погубит себя, погубит своей честностью, жаждой справедливости, тем, что не может утаить это злое, злое... мерзкое...

— Ты похудел, — сказала Сауле. — Мускулы у тебя какие крепкие...

— Поднабрался силенок, — засмеялся Абылай.

— На следующий год снова поедешь в стройотряд?

— Обязательно...

— Возьми меня с собой...

— Но у тебя же практика?..

— Я не могу без тебя, сердце мое...

Щеки Сауле вспыхнули. «Какие волшебные слова

— сердце, сердце мое». Она произнесла их первый раз в жизни...

— «Абылай, ты соображаешь или нет? Как она будет работать в этом вашем отряде? Думаешь, легко девушке таскать кирпичи? Да она заболеть может. Или умереть... И думать не думайте о такой глупости! Никуда она не пойдет!..» — заговорил Абылай, комически передразнивая речь матери Сауле.

Сауле засмеялась и взъерошила парню волосы. Она нисколько не обиделась, напротив, ее всегда смешило, как точно Абылай умеет передать интонации материнского голоса.

— Если мама узнает, что ты ее дразнишь, она тебя на порог не пустит. И меня на замок закроет. Понял? — Откинув густые волосы, закрывавшие ее лицо, Сауле с улыбкой глядела на парня.

— А мы к этому замочку ключик подберем, — лукаво отозвался Абылай.

Сауле снова засмеялась и спросила, приподнявшись:

— Ты проголодался?

— А ты?

— Проголодалась.

— Тогда и я проголодался.

Он блаженно потянулся. Сумка с провизией была возле красного мотоцикла «Ява», который Абылай прислонил к двум высоким сросшимся тополям. Там же валялась их одежда — куртки, джинсы. Сауле расстелила газету, достала огурцы и помидоры, нарезала колбасы.

— Обед готов, о повелитель мой!

Припав на колено, она смиренно склонила голову. Абылай, не выдержав, поймал девушку за тонкую гибкую талию и, прижав к себе, почувствовал тепло ее чистых, невинных губ. Но она все смеялась и смеялась. Казалось, она создана для того, чтобы ее нежный переливчатый смех всегда звучал, давая свет и радость миру.

— Красавица, я хочу, чтобы аромат твоих благоухающих пальцев навечно остался в памяти твоего повелителя! Абылай тоже включился в игру, хотя легкая дрожь в голосе выдавала его смятение.

— Слушаюсь и повинуюсь!.. — Сауле выбрала самый большой помидор.

— Нет, — заупрямился Абылай. — Я винограда хочу... Сауле взяла виноградную гроздь и, отрывая по ягодке, стала кормить Абылая.

— Ай! — вдруг вскрикнула она, почувствовав, как Абылай осторожно прикусил ей палец.

— Твои пальцы вкуснее винограда! Приди в мои объятия, о красавица!

— Воля ваша, повелитель мой!..

Сауле положила голову ему на грудь и тихо засмеялась. «Сердце, сердце мое, — млея от радости, повторяла она про себя. — Сердце... Сердце...»

Он взял ее пылающее лицо в свои ладони.

— В твоих глазах я вижу себя, — сказал он. — В твоих глубоких, ясных глазах...

— И я вижу себя в твоих глазах. Ты скучал без меня?

— Да. Очень.

— И я скучала...

— Милая моя, — еле слышно произнес Абылай.

Обхватив руками колени, они молча смотрели на реку, на другой ее берег. По реке шли быстрые лодки. Тяжелые и сильные волны стремительно набегали друг на друга, шумно ударялись о берег и тихо гасли, умирая в песке. Сыпался надсадный гул самолетов, взлетавших с бетонной полосы аэродрома, расположенного неподалеку. Казалось, огромные стальные птицы, расправив крылья, парят над городом, над Иртышом, но мгновение — и они, устремившись в небо, тут же исчезают за горизонтом, и только этот гул, этот медленный рокот еще долго держится в опустевшем небе. А вот взлетел маленький верткий Ан-2, букашка с двойными крыльями, и Абылай тут же вспомнил Омара, его веселое лицо, улыбающиеся карие глаза, всю его крепкую, ладную фигуру.

И так всегда. Стоит Абылаю увидеть Ан-2, как тут же в его сознании возникает Омар, дорогой, любимый, навеки утраченный... Веселое лицо, улыбающиеся карие глаза... Самый дорогой, самый близкий... Каждый раз при виде самолета Абылай как бы заново переживал всю горечь утраты. Честность, ум, доброта — как редко эти качества сочетаются

ются в одном человеке! С тех пор, как сестра Абылай Баян после гибели Омара, своего мужа, возвратилась из Целинограда домой в Семипалатинск, брат делил с ней горе, пытался хоть чем-нибудь помочь, облегчить ее тяжелую сумрачную вдовью печаль. А ведь тогда, в Целинограде, он, обидевшись на Баян, в один день собрался и улетел в Семипалатинск, так и не успев попрощаться с Омаром. «Брось, не дури, Омар расстроится, что я тебя отпустила», — говорила тогда Баян, но он, мальчишка, был непреклонен, и она своим женским чутьем точно уловила причину его столь яростной и горячей обиды. Но не стала расспрашивать ни о чем. Ни тогда, ни позже. Она, конечно же, знала, что он обиделся за Омара, но они никогда об этом не говорили. И теперь не станут. Но то сомнение, которое в нем тогда поселилось, всю жизнь будет с ним. Женщины... Кто вас поймет?

Абылай бросил короткий взгляд на Сауле. Розовое ее лицо вдруг показалось ему усталым. Закусив губу, она напряженно смотрела вдаль, и веселые ее глаза потускнели.

«Сауле — вот кто никогда не позволит мне сомневаться, — подумал он. — Сауле — другая. Сауле — особенная. Она чиста, как совесть. Она никогда не предаст...»

— Эй, что с тобой? — окликнул он девушку, коснувшись ее плеча. Сауле вздрогнула от его прикосновения и тут же, удивившись своему испугу, вопросительно посмотрела на Абылай. Абылай молчал, и она, так же молча улыбнувшись, обняла его.

На противоположном берегу появилась ватага ребятишек, они с визгом попрыгали в воду.

— Давай искупнемся, — предложил Абылай.

— Давай, — согласилась Сауле.

Абылай нырнул и выплыл уже далеко от берега.

— Не бойся! — крикнул он Сауле, осторожно ступавшей в воду.

Сауле доплыла до Абылай и легла на спину.

— Здорово! — сказала Сауле. — Вода — прелость. Как парное молоко.

— Я целых два месяца не видел Иртыша. Вы-то, наверное, каждый день купались? Ты часто сюда приходила?

Сауле сделала вид, что не слышит. «Как сказать? Что сказать?..» Ей показалось, что не только лицо — все ее тело горит, и она погрузилась в воду, глубоко, пока хватало дыхания.

А когда вынырнула, увидела, что течение далеко от-

несло ее от Абылай, который, раскинув руки, все еще безмятежно покачивался на поверхности под этим синим-синим, чистым, без единого облачка небом.

Сколько было таких же, как это небо, чистых, безоблачных, счастливых дней? Сколько было и сколько еще могло быть! Но все это сгинуло в один вечер, и теперь Сауле суждено вечно всего бояться, вечно быть в тревоге. Она сама тогда остановила Абылай... Зачем? Уж лучше бы все было так, как он тогда хотел...

...В ту ночь все они, только что закончившие школу, пришли сюда, на берег Иртыша. Пришли в последний раз — ведь выпускные экзамены были позади, и теперь для них начиналась новая неведомая жизнь. Вчерашние школьники, они играли, дурачились, жгли костры, пели песни, читали стихи.

Абылаю и Сауле вдруг наскутила веселая компания, и они, отстав, ушли в сторону, туда, в ночную тишину отмели, где их тени колебались в лунном свете и загадочно мерцала иртышская вода.

«Искупаемся?»

«Вода холодная...»

«Ночью вода всегда теплая...»

«Я без купальника...»

Абылай, скинув рубашку и брюки, бросился в реку. Выплыв на середину, он оглянулся. Обнаженная Сауле, вся облитая лунным сиянием, осторожно ступала в воду. Заметив, что Абылай смотрит на нее, она присела на корточки и поплыла.

«Только ты не смотри на меня, когда будем выходить».

«Почему?»

«Не смотри и все»

«Ерунда».

Прижимая к себе ее нежное тело, он вынес ее на берег. Упругие груди, прямые полные ноги, руки, доверчиво обвивающие его крепкую шею, — цветущая юная красота... Сауле вырвалась и побежала. Абылай, радостно смеясь, пустился за ней вдогонку. Он настиг ее, она вырвалась, поймал за руку — снова вырвалась, и они упали в мягкий, еще не остывший песок.

Из леса как будто дохнуло теплом, и Абылай склонился над девушкой. Поцелуй... Долгий, волшебный, умопомрачительный...

«Нет, нет, Абылай...»

«Сауле!»

«Не надо! Абылай, не надо!..» — Сауле оттолкнула парня, и тот в смущении и печали остался стоять перед ней на коленях.

«Сауле!..»

«После... Потом... — отзвалась Сауле дрожащим голосом. — Я сама к тебе приду... в белом платье и фате...». Она порывисто обняла Абылай.

Девушки верят в свою сладостную мечту. Сауле и Абылай заставила поверить. Юный, неопытный, удивленный, он смотрел на нее во все глаза, и его колотил озноб.

«Прости меня», — наконец сказал он.

«Глупенький мой, это ты меня прости», — сказала Сауле.

— Сауле, нам домой пора! — Возглас Абылай прервал ее воспоминания.

— Хорошо, — отзвалась Сауле, и они наперегонки поплыли к берегу.

— Ты такой черный, разве можно на солнце работать без рубашки? — сказала Сауле, одеваясь.

— Можно и нужно.

— Нужно? Прости, ты какую отметку получил по технике безопасности?..

— Тройку. А точнее — тройку с минусом...

— Тогда все понятно, — засмеялась Сауле, и Абылай слегка обиделся.

— Поставить бы того, кто придумал эти правила, в сорокаградусную жару, без навеса, глину месить... Я бы посмотрел на него! Он бы не только рубашку, он бы и все остальное скинул...

— Абылай! — Сауле укоризненно покачала головой.

— Прости, — смутился Абылай.

Он завел мотоцикл, и Сауле, прижавшись к нему, уткнулась в его горячую спину.

Не сбавляя скорости, он въехал во двор и резко затормозил у первого подъезда.

— Абылай! Абылай приехал! — восторженно загадели мальчишки, спеша со всех сторон к мотоциклу. На балконе появилась мать Сауле.

— Ох, не доведет тебя до добра этот мотоцикл, Абылай! Почему б тебе не ездить потише? Ведь двор полон детей, — ворчливо сказала она вместо приветствия и скрылась в глубине квартиры.